

Твари.

Светлана Соколова

Твари.

<https://litres.ru/73983858>

SelfPub; 2026

Аннотация

Их называли тварями.

Образцами. Оружием. Ошибками эксперимента.

Но они помнили, что были людьми.

Алан не помнит, как попал в замок Ведьмака. Но помнит боль — когда корни вырастают в плоть, а Тварь воет внутри, требуя крови. Здесь нет жалости. Есть только страх, боль и эксперименты ради власти.

Но у тварей есть то, чего не предвидел создатель.

Они научились слышать друг друга без слов. Делить боль. Защищать своих.

И когда придет приказ убить невинных — они поймут:

Пора перестать быть образцами.

Пора стать судьями.

Ведьмак думал, что создал оружие.

Он не знал, что разбудил тех, кто вынесет ему приговор.

Мрачное фэнтези о цене силы, потере человечности и о том, что иногда монстры справедливее людей.

Содержание

Глава	4
Глава 2. Сад под куполом	11
Глава 3. Чужое тело	18
Глава 4. Ломка	24
Глава 5. Голос из кости	28
Глава 6. Симбиоз	32
Ч	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Светлана Соколова

Твари.

Глава

Часть 1. Дыхание конца.

Глава 1. Алан.

Алан горел. Огонь разливался под кожей, то обжигая до черноты, то оставляя ледяную корку. Тряпье, которым накрыла мать, не грело — оно лишь пахло ее потом и бедой. Но большего у них и не было.

В голове стоял туман. Сон лип к реальности, как грязь к сапогам. Голоса всплывали из темноты обрывками, будто сквозь толщу воды:

- *...сколько ему лет-то?*
- *...четырнадцать...*
- *Щуплый. Кости да кожа.*
- *Так господин... еды нет...*

— ...помрет ведь...

— ...двадцать монет. Не больше.

В первый раз он очнулся от толчка. Колесо скрипело, будто жаловалось. Алан открыл глаза. Сырой воздух, холодный и липкий, забирался под одежду. Над головой клочьями висел туман — серый, тяжелый, как вата.

Тело трянуло.

“Телега?”

Он повернул голову. Из молочной мглы выплывали серые каменные плиты. Замок. Он стоял над дорогой, как черная птица, сложившая крылья.

“Где это?”

Мысли тягучие, как смола. Не сцепить в одно. Темнота снова потянула вниз, за веки. Второй раз его вырвало из сна шумом. Комната небольшая, стены дышат камнем, в углах лежит предрассветный мрак. Дверь скрипнула, вошел здоровый, как медведь мужик..

— Пришел в себя? — голос хриплый, скрежещущий. — Господин велел дать зелье. Шоб жил.

Жесткими пальцами задрал Алану голову. Горло сжалось. Горькая жидкость обожала язык, потекла внутрь, обжигая пищевод. Алан поперхнулся, кашель разорвал грудь.

— А ну, не балуй. Глотай. Еще на тебя зелье переводить.

Мужик развернулся. Сапоги застучали по камню, удаляясь. Алан снова уснул.

Когда солнце пробилось в узкое оконце — похожее на

бойницу, как глаз в шлеме — зашел господин. Двигался плавно, бесшумно. Тень скользила за ним по стене. Подошел к кровати. Глянул остро, как ножом полоснул. Приложил ладонь ко лбу. Пальцы были холодные, пахнувшие неизвестными лекарствами. Приоткрыл веки.

— Зелье давал?

— Да, господин, — ответил мужик из угла.

— Еще в обед дашь. И вечером. Понял?

— Будет исполнено.

Господин вышел. Не сказав ни слова самому Алану. Будто его тут и не было. Будто он — вещь, которую проверили и оставили лежать. Через пару дней лихорадка отступила. Тело стало легким, невесомым, чужим. Но пахло от него кислым, старым. Зашел мужик.

— Проснулся? Будешь мыться. А то вошей тут разведешь.

Он вышел. Через время пришла пожилая женщина, повела его в соседнюю каморку. Там стояла большая емкость, наполненная горячей водой. Пар поднимался к потолку.

“Вода... Горячая”, — мелькнуло в голове. Невероятная роскошь. Как сон.

Он погрузился в воду, но удовольствие умерло, когда женщина взяла в руки мочало. Оно было жестким, как проволока. Она терла сильно, до скрипа, до красноты. Казалось, она сдирает не грязь, а саму кожу. Снимает его старую жизнь. Волосы дергала больно, чуть не выдрала корнями. Алан терпел, сжав зубы. Пискнешь — хуже будет. Весь розовый, обес-

кровленный, он поплелся в комнату. На кровати лежала чистая одежда. Чуть позже принесли суп.

От аромата перехватило дыхание. Пахло мясом. Настоящим мясом.

Он ел и плакал над миской. Слезы капали в бульон, растворяясь в жире, но он не останавливался. Ложка дрожала в руке. Они давно перебивались с шишек на кору. А здесь... здесь была еда.

Когда голова начала работать, возник вопрос: “Где я? Что тут делаю?”

Ответы пришли вечером, с тенями. Господин вернулся. Теперь Алан его узнал. В деревне звали Черным. Говорили — некромант. Зомби, конечно, никто не видел, но боялись все. Он покупал больных детей. Говорил — “в услужение”, да только потом их никто не видел. Алан попытался вспомнить, как это было. Звон монет. Чей-то голос сквозь туман: “...хочешь есть?...”.

Или ему приснилось? Он будто кивнул. Или это тоже было в бреду?

Они не говорили прямо, что продают. Но он чувствовал: мать стоит спиной, считает. Голод заставлял делать такое, о чем потом молчали. Видимо, когда брюхо пустое, совесть отключается. Алан посмотрел на свои чистые руки. Кожа розовая, ногти обрезаны. Их готовили. Но для какой работы? Дверь заскрипела, пропустив господина. Следом зашел служка, ставя у кровати тяжелое кресло. Господин опустил-

ся, складки черного платья легли на пол, как вода.

— Вижу, ты встал, — голос тихий, но заполнил всю комнату.

Алан дернул плечами, чувствуя, как напряглись мышцы под чистой рубахой.

— Да, господин.

Он стоял босиком на холодном камне. Нужно было показать, что может принести пользу. Срочно.

— Что мне нужно будет делать? — голос сорвался, он откашлялся. — Я умею... За скотиной ходить. За лошадьми. Дрова рубить, воду таскать... Всякую тяжелую работу.

Алан перечислял, но видел: господин не слушает. Взгляд скользил по нему, как лезвие по ткани.

Чутье холодило внутри, но Алан продолжал, сбивчиво:

— Считать умею. Сколько зерна, сколько дров...

Бровь господина поползла вверх. Взгляд буравил, пронизывал насквозь.

— Грамоту знаешь?

В повисшей тишине было слышно, как трещит свеча. Алан сглотнул.

— Да. Мать учила. И читать, и писать.

Легкая усмешка тронула губы господина. Тень улыбки, в которой не было тепла.

— И что же ты читал?

Алан замялся.

— «Трактаты Срединного»... «Звездную карту»... Да мно-

го всего.

Господин подался вперед. В глазах вспыхнул жадный интерес.

— Кто тебе дал эти книги?

Алан опустил глаза.

— Мать дала. Она... всегда книги берегла. От бабки досталось.

Господин откинулся на спинку кресла. Тень легла на лицо, скрыв глаза.

— Мда. Книги нынче не в цене. — Он постучал пальцем по подлокотнику. Сухой стук. — Мир перевернулся. Книги есть, а дети идут как лот на аукционе.

Алан молчал. Ему нечего было возразить. Господин помолчал, разглядывая Алана, как мясник разглядывает тушу.

— Обычно мне приносят пустых — тихо сказал он. — Молчаливых. Их проще... использовать.

Он встал. Подошел вплотную. Пальцы сжали запястье — не больно, но не отпустить. Проверил пульс.

— А ты думаешь. Это меняет дело.

Алан замер. “Меняет дело”. Как? В лучшую сторону или в худшую? Он не спросил. Страшно было узнать ответ.

Господин отпустил руку.

— Несколько дней набирайся сил. Потом скажу.

Развернулся и вышел а Алан остался стоять. На запястье горело место, где касались пальцы.

Книги не спасли, — подумал он. — Я просто стал другим

товаром. Сложным.

Глава 2. Сад под куполом

Алан сел на кровать, подтянув колени к подбородку. Нервная дрожь не отпускала, а внутри шевелилось что-то скользкое и отвратительное, словно болотный уж. Он засунул замершие ноги под одеяло, пытаясь согреться и собраться с мыслями, однако они разбегались, стоило только закрыть глаза.

Проснулся он неожиданно, в полной темноте. Тонкий серп луны едва заглядывал в узкие окна-бойницы. Сначала послышался шорох, за которым последовала напряженная тишина. Потом раздался тихий скрежет, словно когтем по камню, и снова все затихло. Где-то в глубине замка прорвался звериный рев — низкий, гортанный, от которого внутри все сжалось в комок. Алан подскочил и прислушался, пытаясь разобрать, откуда шел звук. Рев сменился поскуливанием, потом подвыванием, становясь все глуше и дальше. Где-то вдали раздалось голоса людей, и вскоре все стихло. Наступившая тишина стала давить на уши. Только сердце билось в груди отчаянно и сильно, казалось, что если оно сейчас не настучится, то не успеет. Руки вспотели, дышалось тяжело, но он пытался делать вдохи тихими, будто прятался от кого-то невидимого. Больше тишину ничто не нарушало. Потихоньку он успокоился и заснул лишь ранним утром.

Дверь с шумом распахнулась, и вошел служка с подносом

— каша и хлеб. Алан ел быстро и жадно, не поднимая глаз. Служка молча поглядывал на него. Это был парень лет восемнадцати, рябой, с глубокими отметинами после оспы. Его глаза казались старыми, не по возрасту: в них застыла усталость человека, который все видел, во всем разочаровался и больше ничему не удивлялся.

— Можно мне выйти? --- служка приложил палец к губам, а затем провел пальцем по губам — жест, понятный без слов. Алан кивнул. Он понял: немой, или говорить запрещено.

Служка забрал пустую миску и, уходя, кивнул на дверь, будто разрешая выйти. Алан посмотрел на открытую дверь. Это было слишком легко, словно выпускали не мальчика, а приманку. Но он все же вышел.

В коридоре было тихо и пусто. Он медленно пошел прямо, не зная куда, но появилось ощущение, что за ним наблюдают. Он резко повернул голову — никого, однако чувство не пропадало, и внутренности начало медленно скручивать в тугой жгут.

Он чуть прибавил шаг, стараясь выйти хоть куда-нибудь, и почти бегом достиг конца коридора. Выскочив к лестнице, ведущей в большой зал, он увидел сбоку дверь, ведущую во внутренний двор.

Тут Алан остановился. Страх не ушел, он просто сменился другим чувством — красотой, от которой холодеет спина.

Вдоль белых каменных дорожек росли кусты с крупными фиолетовыми цветами, которые светились изнутри, буд-

то впитали лунный свет и не отдали. Когда Алан сделал шаг, лепестки дрогнули и повернулись к нему. В саду было тихо, слишком тихо: ни птиц, ни жуков, только шелест листьев, когда они поворачивались к нему.

Рядом стояли деревья, на ветвях которых свисали нежно-розовые кисти, словно облака, зацепившиеся за кору. Ветки медленно покачивались, хотя ветра не было. По стволам и ветвям, цепляясь усиками, нежно льнули длинные растения с листьями цвета темного вина, и усики шевелились, ощупывая воздух.

Над всем этим переливался купол. Тонкий, почти невидимый, он пропускал солнечные лучи, преломляя их на тысячу оттенков. Было тепло и влажно, а воздух пах медом, землей и чем-то мясным, сладким.

Алан вдохнул, и у него закружилась голова. Он присел осмотреть один цветок — черный, с фиолетовым отливом. Лепестки казались бархатными и теплыми на ощупь, словно живая кожа.

Он коснулся лепестка. Цветок дрогнул и медленно, почти незаметно, сжался вокруг его пальцев. Алан замер, и сердце пропустило удар.

Он запретил себе смотреть вниз. Если увидит — кричит, а кричать нельзя.

Он ждал. Через мгновение лепесток разжался, будто проверил и отпустил. В глубине сада что-то шевельнулось, на этот раз уже не цветок. Алан медленно встал, и в груди хо-

лодело понимание: казалось, все здесь дышало в унисон.

Он сделал шаг назад и почувствовал, как что-то коснулось его лодыжки. Скользкое. Теплое. Алан замер и не дышал, ожидая, когда сомкнутся челюсти, но хватка ослабла, будто его просто пометили.

Он не посмотрел вниз. Просто медленно, не дыша, отошел к двери.

Выскочив за дверь, Алан прижался к ней спиной. Его мелко трясло, дыхание сбивалось на хрип. Сердце колотилось в горле, будто пыталось вырваться наружу и убежать без него.

“Что это было?” — пронеслось в голове.

Желание гулять испарилось мгновенно. Он тихо прокрался обратно в вестибюль и опустился на край кресла. Нужно было все обдумать, успокоиться, понять...

Но подумать не дали. Сверху раздался голос:

— Алан! Иди. Господин зовет.

Алан вздрогнул. Это был мужик, который давал ему зелье.

— Куда идти? — голос предательски дрогнул.

— Ах, собачья смерть... Иди за мной, заведу.

Мужик провел его по коридору, но вышли они к лестнице с другой стороны. Лестница была узкой, винтовой, и вела вниз. Света от факела в руке проводника было мало, и широкая спина мужика почти закрывала огонь. Алан пробирался вслед за ним почти на ощупь, прижимаясь спиной к холодной стене. Казалось, стена норовит толкнуть его каменными выступами в спину, сбросить вниз.

Внизу их встретил разветвленный коридор. Воздух здесь был тяжелым, удушливым. Пахло одновременно бойней и лекарской снадобьями — сладковатый запах крови смешивался с горечью трав. Этот запах будил древние, неосознанные опасения, заставляя кожу покрываться мурашками.

Они подошли к двери из черного камня. Мужик открыл ее, скрипнув петлями.

— Привел, господин.

— Хорошо, Зван. Свободен.

Голос Господина звучал спокойно, Зван подтолкнул Алана в комнату и закрыл дверь. Щелчок замка прозвучал как выстрел и с четким ощущением западни.

Комната оказалась большой, казалось, совмещал в себе кабинет и лечебницу. От кабинета здесь были массивное кресло, письменный стол и шкаф, набитый бумагами. От лечебницы — длинный стол с каменной столешницей. По бокам его шли глубокие отверстия, от которых отходили желобки, уходящие прямо в пол. Для стока крови.

В другом углу возвышался шкаф с множеством склянок и химикатов. Рядом стоял небольшой столик, на котором лежали инструменты. Они неприятно блестели при тусклом свете факелов — кривые ножи, пилы разного размера, щипцы с зазубринами, иглы толщиной с палец. Алан старался не смотреть на них долго и не думать о том, зачем они.

— Алан, ты мне нужен будешь здесь, — ведьмак не поднял головы. Он что-то быстро писал, скрипя пером по бума-

ге. — Найди мне вот эти зелья, там в шкафу с флаконами. Все подписаны.

Он махнул головой в сторону шкафа и протянул листок с перечнем.

— И аккуратно выстави все на тот стол. — Он кивнул в сторону столика с инструментами и снова склонился над записями.

Алан взял бумагу и подошел к шкафу. Они работали в тишине. Ведьмак скрипел пером, Алан, стараясь не привлекать внимания, сначала с дрожью в руках, затем все увереннее, выискивал и доставал склянки с реактивами. Все было подписано четким почерком и находилось в идеальном порядке, словно инструменты в хирургическом наборе.

Стук в дверь.

— Господин, сегодня к вечеру... — Голос за дверью оборвался. Видимо, вошедший споткнулся взглядом об Алана.

Ведмак поднял голову, посмотрел на посетителя и, видимо, поняв, о чем тот хотел сказать, кивнул.

— Хорошо. Алан, свободен. К вечеру будешь нужен, тебя позовут. Ужин тебе принесут раньше.

Алан постарался выйти быстрее, сразу за мужчиной, чтобы не потеряться в коридорах. Через какое-то время он нашел свою комнату.

Солнце еще не зашло, как принесли ужин. Алан ел механически, не чувствуя вкуса. После еды его незаметно потянуло в сон. Тяжесть разлилась по телу, веки стали свинцовы-

ми. Он слышал, что чьи-то руки его раздевают. Спина похолодела от прикосновения к чему-то жесткому и холодному. . Кто-то говорил спокойным голосом, но слова расплывались, как в воде.

Запах тлена бил в нос, сладкий и тяжелый. Он хотел очнуться, вдохнуть, но не мог. Сон накатывал волной, и он все глубже уходил в темноту, где не было ни боли, ни страха. Только тишина.

Глава 3. Чужое тело

Пробуждение было мучительным. Тошнота подступила резким комом, горьким и жгучим. Алан успел лишь повернуть голову набок — тело не слушалось. Его вырвало желчью на холодный камень.

Когда спазмы утихли, он попытался пошевелиться. Бесполезно. Ремни жестко держали запястья, лодыжки, поясницу. Он был распят на столе, от которого уже онемела спина.

Голова пульсировала. Боль пронзала глазницы раскаленными иглами, отдавалась гулким звоном в ушах. Сознание плыло, как мутная вода в реке. Где-то рядом звучал голос. Низкий, спокойный. Алан пытался уловить слова, но они расплывались, теряли смысл. Да он и сам не мог связать двух мыслей. Казалось, мозг перестал передавать сигналы телу. Он лежал. Дышал. Слышал стук своего сердца. Но было одно странное ощущение. Лежит вроде он, но не он. Тело казалось чужим, тяжелым, будто набитым свинцом. Мысли текли медленно, вязко, и снова тянуло в туман. В глубине сознания шевельнулось что-то еще. Не боль. Не страх. Чужое присутствие.

Алан моргнул. Веки были свинцовыми.

— ...реакция стабильная, — донеслось сквозь вату.

Он хотел крикнуть, но губы не разомкнулись. Туман накатил новой волной, и он снова ушел вниз, в темноту. Где не

было боли. Только чужой, ровный пульс в висках.

Сознание всплывало со дна черного колодца медленно, вязко, словно сквозь густую смолу. Алан открыл глаза. Кабинет-лечебница расплылся в ярком, безжалостном свете. Он все так же был прикован к столу, но тело ощущалось чужим — как одежда, сшитая не по мерке, чужая кожа, натянутая на кости.

“Сколько же я тут лежу?” — мысль прозвучала глухо, будто брошенный в воду камень.

Над ним склонилось лицо Господина. Тени легли в глазницах глубоко, словно там было больше ночи, чем света.

— Что со мной? — голос Алана скрипел, как несмазанная дверь в склеп.

— Ничего лишнего, — спокойно ответил Ведьмак. — Ты был слабым сосудом. Я убрал трещины. Зван, развяжи его.

Алан попробовал пошевелить руками. Они слушались с опозданием, словно сигналы проходили через толщу воды. Он попытался опереться, чтобы приподняться. Рука соскользнула, локоть глухо ударился о камень.

Звук был тяжелым, как удар мяса о плиту, но боли не было.

— Странно... не больно, — прошептал он, глядя на руку как на чужую вещь.

Пошевелил ногами. Вроде слушаются.

— Сядь уже, — буркнул Зван, подхватывая его под мышки. Его руки были горячими, живыми — контраст к холод-

ному телу Алана.

Голова кружилась, в глазах плавали черные круги, словно вороны кружили над полем битвы. Ведьмак стоял рядом — неподвижный, наблюдательный, как скульптор, оценивающий глину.

— Спустишь со стола.

Алан потихоньку сполз и встал на дрожащие ноги.

— Что чувствуешь? — спросил Господин.

— Запах.

— Запах? — бровь Ведьмака дрогнула, как крыло птицы.

— Какой?

— Сырой земли. После дождя. Как из открытой могилы.

Ведмак усмехнулся. Уголок губ дрогнул, но глаза остались холодными льдинами.

— Интересно. Идти сможешь? Зван, поддержи.

Следующие полчаса он ходил взад-вперед по залу, но пол под ногами казался мягким, пружинящимся, словно он ступал по чужим воспоминаниям. Сначала с поддержкой, потом сам. Мозг и тело приходили в равновесие, как весы, на которые положили новый, тяжелый груз. Механизм запускался.

— На сегодня все. Зван, заведи.

Но на этот раз они не пошли наверх. Свернули в отдельный коридор. Свет здесь был тусклым, масляным от копоти факелов, тени плясали на стенах, живые и длинные. Запах тлена смешивался с сырой землей и свежей, железистой кровью. Тело покрылось мурашками, но не от холода — от

узнавания. Это был запах его нового дома. Затем он увидел их. Клетки.

Они стояли двумя рядами, уходя в темноту, как зубы в раскрытой пасти. В каждой сидел или лежал кто-то. Кто-то дышал хрипло, кто-то стонал, кто-то ритмично бился головой о прутья, отбивая такт безумия.

Зван открыл одну из клеток, подтолкнул Алана внутрь и захлопнул замок. Щелчок прозвучал как приговор, отрезающий прошлое.

Алан упал на нары. Они пахли гнилой соломой, потом и временем.

Пришел служка, громко стукнул миской о прутья, привлекая внимание стада. Швырнул кусок вареного мяса и ушел, не глядя.

Алан съел, не чувствуя вкуса. Мясо было жестким, жилистым, как будто он жевал чужую жизнь.

Он лег и прислушался.

Рядом дышали. Хрипели. Стонали. Это была литания распада.

“Что со мной сделали? Я стану таким, как они? Я проведу тут всю жизнь?” — мысли бились в голове, перебивая друг друга, как птицы в клетке.

Вдруг кто-то хихикнул.

Алан открыл глаза, ожидая увидеть кого-нибудь у решетки. Но коридор был пуст. Только темнота плавала вдоль клеток, заглядывая сквозь прутья липким, густым туманом.

Она дышала. Сердце провалилось в живот. Глаза пытались самостоятельно перестроить зрение, отказываясь видеть лик тьмы. Но тьма была родной для той части, что теперь жила в нем — это была ее исконная добыча. "Нашлааа" — шепот прозвучал как набат в тишине. Не снаружи. Изнутри. Из глубины грудной клетки. "Моооо... ой"

Сердце, вспомнив, что ему положено стучать, взлетело и начало биться о ребра. Но стук был странным. Казалось, одна половина работает в одном ритме, а другая — в другом. Два стука. В одной груди. Два барабана, играющих разные марши.

Глаза сменили фокус. Алан увидел просто клетку, пол и клетку напротив.

Там, у границы света, стояло существо. Человек или не человек.

Алан встал и подошел ближе, рассмотреть.

Существо повернуло голову. Втянуло воздух, как зверь, чувствуя запах смерти и жизни, исходящий от Алана. И вдруг рвануло к прутьям.

Оно с силой билось о решетку, пытаясь дотянуться до него. Его визг поднял ИХ с соседних клеток. Они повернули морды к Алану.

Он не мог сразу сказать, что это. У кого-то еще осталось лицо, бледная маска человека, у кого-то — лишь подобие рожи, слепленной из остатков.

Их тела были вывернуты наизнанку. Суставы сгибались в

противоположную сторону, колени смотрели назад, словно у кузнечиков. Пальцы на руках были слишком длинными, с лишними фалангами, похожими на щупальца. Кожа местами была серой, как пепел, местами — сшитой грубыми швами, словно лоскутное одеяло из разной плоти. У одного глаза росли на лбу, циклопы и мутные, у другого — отсутствовали вовсе, но он видел кожей.

Они все были разные. Ошибки эксперимента. Черновики бессмертия.

И чем дольше Алан смотрел, тем больше понимал, холодное осознание ползло по позвоночнику:

Его хотели сделать таким же.

Но что-то пошло не так. Или наоборот — слишком правильно. Он был не ошибкой. Он был следующим шагом.

Глава 4. Ломка

Утро наступило незаметно. Или ему лишь показалось, что утро. Время здесь текло иначе — вязко, как смола, капля за каплей выдавливая сознание. Свет не менялся, оставаясь тусклым и масляным, но внутри что-то щелкнуло.

Появилось чувство голода.

Но это был не привычный голод, с каким он жил столько лет в деревне — не пустая яма в желудке, не слабость в коленях. Это было иное. Тянущее жилы, тягучее и одновременно жгучее. Оно скреблось изнутри острыми когтями, требуя выхода. От него хотелось выть, грызть холодные прутья клетки, чувствуя вкус железа на языке, и впитаться зубами в глотку соседям, слышать хруст их костей под челюстями.

Осознание этого желания ударило, как ушат ледяной воды, вылитый на распаренное тело. Алан сжался в комок, ногти впились в ладони.

“Это не моя мысль... — пронеслось в голове, холодное и чужое. — И даже не мое желание... Что это?”

Он замер от ужаса и понимания. Граница между ним и тем, что внутри, истончилась, стала прозрачной.

“Нет. Я не хочу стать таким, как они. Нет.”

Но голоду было все равно. Он тянул из него волю, силу и решимость, как вода точит камень, медленно, неотвратимо. Желудок свело спазмом, болезненным и пустым. На сча-

стью, в коридоре зазвучали шаги. Пришел служака. Стуча по решеткам, он кидал куски мяса в клетки, даже не глядя на тех, кто внутри. Для него это было просто кормление скота. Услышав звук падающей еды, рот Алана издал непонятный звук. Гортанный, низкий. Больше похожий на подвизгивание голодного зверя, чем на человеческий голос. От неожиданности он захлопнул рот и зажал ладонью, словно пытаясь заткнуть вырвавшегося демона.

— Я человек, не тварь, — прошептал он зло, но голос дрогнул.

Но как только кусок мяса шлепнулся на земляной пол, вся сдержанность пропала. Инстинкт накрыл с головой, отключив разум. Он, как псина, ринулся к куску и начал жрать. Именно жрать — грязно, жадно, отрывая куски зубами, прямо с пола, пока язык ощущал вкус холодной крови, соли и земли. Мозг продолжал контролировать действия со стороны, словно бесплотный наблюдатель в чужом теле, фиксируя позор, но не в силах остановить руку.

Когда голод затих, оставив после себя тяжелую сытость, Алан устало прислонился к прутьям. Лоб коснулся холодного железа. Слеза потекла из глаз. Первая. Вторая. Третья. Они были горячими, живыми — единственное, что осталось ему от прошлого.

Он оплакивал конец своей пусть голодной, но привычной жизни с мамой. Тот дом, тот запах хлеба, тот страх перед войной — все это казалось теперь далеким сном. Он пони-

мал: это конец всего, что он знал раньше. Впереди лежал тяжелый путь в неизвестность, и обратной дороги не было. Дверь захлопнулась.

Когда за ним пришел Зван, Алан чувствовал себя опустошенным, выжатым как сушеное яблоко. Меньше всего хотелось встречаться с Господином, прятаться от его взгляда, но кто же будет спрашивать о его желаниях? Здесь они не имели веса. Зван внимательно осмотрел Алана, словно оценивая товар перед продажей, поворошил волосы, заглянул в глаза. И повел его в лекарскую.

Ведьмак уютно устроился в кресле, словно хозяин паутины в центре сети. Тени легли на его лицо привычной маской, скрывая глаза.

— Сядь, Алан. Что сейчас чувствуешь?

Голос был спокойным, без ноток сочувствия.

— Пустоту, — ответил Алан.

— Как соседи?

— Страшные.

— Как ощущается голод?

— Как желание жрать все подряд.

— Как справился?

— Я не справился. Служка вовремя пришел...

Вопросы, вопросы... Алан отвечал механически, словно заученный урок. Ведьмак встал, подошел ближе. Взял скальпель, блеснувший холодным огоньком. Отрезал кусок его кожи на предплечье. Делал какие-то манипуляции с ним и с

реактивами, капая жидкости, меняющие цвет. И так до бесконечности.

Алан вроде бы чувствовал усталость, но как бы и не устал. Лезвие касалось плоти, но тело не болело. Нервы молчали, не передавая сигнал тревоги. Он смотрел на свою кровь, стекающую по скальпелю, и не чувствовал страха. Только любопытство. Чужое любопытство.

Отвечал механически, но ум все фиксировал, записывал каждое движение, как летопись чужой жизни.

Он начал раздражаться от этой двойственности. Раздражал слишком яркий свет, который резал глаза, словно битое стекло. Раздражали звуки, которые били по ушам слишком громко, каждый шорох становился грохотом. Запахи смешивались в одну удушливую кашу.

Он был рад, когда вернулся назад в клетку. В темноте было безопаснее.

Но облегчения не было. Агрессия накатывала темной волной, поднимаясь из глубины живота. Мышцы напрягались сами собой, готовые к броску. И он еще не знал, как это удержать. Внутри стучали два сердца. И одно из них, холодное и чужое, требовало крови.

Глава 5. Голос из кости

Служка ушел вовремя. Даже слишком.

Алан стоял, прижавшись лбом к холодным прутьям. Тело тряслось мелкой, нервной дрожью — от напряжения, от усилия удержать себя от воя, от желания биться головой о железо, лишь бы заглушить зуд внутри. Кинутый кусок мяса успокоил тварь, живущую в крови, дал передышку. Но тишина после кормления была громче крика.

Он закрыл глаза, пытаясь собрать мысли в кучу, как осколки разбитого горшка.

“Так. Надо понять.”

Внутри кто-то был. Не просто голос. Присутствие.

“Меня разделили? Или просто пришили добавку?”

Половина мыслей текла не его руслом. Они были холодными, чужими, расчетливыми.

ОНО БЫЛО СИЛЬНЕЕ ЕГО.

Он начал перебирать факты, как четки.

Что он приобрел? Силу, которой не было раньше. Тело не знало боли — лезвие скальпеля скользило по коже, как по дереву. Слух обострился до боли — он слышал, как скрипят суставы у соседей через три клетки. Запахи стали объемными — он чувствовал страх служки, запах ржавчины, гнили и крови за стенами. И зрение... Он видел тьму там, где раньше была только чернота.

Что он потерял? Голод. Постоянный, жгучий голод, который затуманивал разум. И контроль. Когда голод просыпался, вело оно. Не он.

“Что же делать??”

Он закрыл глаза, заглянул внутрь себя. В ту темную комнату, где раньше жил только он. Теперь там было тесно.

— Эй! — позвал он вслух, шепотом. — Ты где? Ты кто? Тишина. Густая, ватная.

Но глаза снова начали двигаться самостоятельно. Независимо от его воли. Зрачки расширились, впитывая свет, словно черные дыры. В прошлый раз Алан боялся этого. Теперь он хотел понять.

Он открыл глаза и увидел Ее.

Тьма.

Она не была просто отсутствием света. Она была субстанцией. Густой, текучей дымкой, которая сидела возле клетки напротив и смотрела на него. У нее не было лица, но он чувствовал взгляд — тяжелый, физический, как прикосновение холодной руки к затылку.

Так они просидели, глядя друг на друга. Человек и Тень.

— Ты зачем здесь? — голос Алана был хриплым, сорванным.

Но ответ пришел не из коридора. Он прошел вибрацией внутри черепа.

— Пришлааа... за тобоооой...

Голос был мужским, древним, словно камни терлись друг

о друга на дне реки. Не его голос.

— Зачем? — Алан сглотнул. Ком в горле мешал дышать.

— Тыыы... мооой... А теебя... забралиии...

Холод пробежал по позвоночнику.

— Кто? — шепот вырвался сам.

— Этииии... сверхуууу...

Алан понял: Господин. Ведьмак.

Страх сжал горло ледяной рукой, но он задал последний вопрос. Тот, которого боялся больше всего.

— Кто ты?

Тишина повисла на мгновение. Потом шепот прошел вибрацией по костям, заставив их звенеть, как струны. Вспомнился запах тлена. Вспомнилось отсутствие боли. Вспомнилось двойное сердцебиение.

— Смееерть...

Алан отшатнулся, спиной ударившись о стену.

— Но у меня же сердце стучит? — он не понимал, хватаясь за грудь. Там билось два ритма. Один живой, быстрый. Другой — медленный, тяжелый, как удары молота по наковальне.

— Он... в тееебеее...

Стало все яснее и одновременно еще более запутанно.

Какую часть мертвеца ему пришили? Кусок плоти? Орган? Или само дыхание конца?

Он осмотрел себя. Руки свои. Ноги свои. Кожа бледная, но целая. Нет швов, нет чужих кусков, нет гниющих пятен.

“Тело мое. Но внутри... не я.”

Он снова полез внутрь себя, в темную комнату сознания.

Нащупывал границы, искал швы, искал чужака.

— Эй, мужик! — позвал он снова, уже зло. — Выходи!

Тишина.

Только тьма за прутьями усмехнулась. Беззвучно. И медленно растаяла, стекая в щели пола, словно вода.

Она была везде. И она была внутри.

Глава 6. Симбиоз

Когда пришел служка, Алан сидел у прутьев, глядя на соседей. Те бились в конвульсиях, скребли пол ногтями, мычали без слов.

Алан кивнул на клетки. Голос звучал чужим в этой тишине.

— Они сразу такие были? Или это... со временем?

Служка остановился. Медленно повернул голову. Посмотрел Алану в глаза — глубоко, без жалости. Открыл рот. Языка не было. Только багровый рубец на дне ротовой полости. Он кинул мясо. Ушел. Лязг замка прозвучал как точка в разговоре. Алан понял: помощи не будет. Языки вырваны, глаза потухли. Здесь выживает только тот, кто умеет слушать тишину. Тварь внутри заворочалась. Услышала запах крови.

Алан сдерживался как мог. Один вдох. Второй. Третий. Пытался договориться с голодом.

Но тварь яростно выкинула его из сознания. Будто захлопнула дверь перед носом.

Алан остался смотреть со стороны.

Он видел своими глазами, но не контролировал их. Видел, как его руки рвут мясо. Как его челюсти работают, словно жернова, перемалывая жилы и хрящи. Кровь текла по бороде, теплая и липкая.

Мясо пахло падалью. Смертью. Гнилью.

Но тело не останавливалось. Оно жрало. Жадно, грязно, с чавкающими звуками.

Когда сознание вернулось, вкус гнили остался на языке. Алана согнуло пополам. Его вырвало — тяжело, до спазмов, избавляясь от этой гадости.

Твари это не понравилось.

Визг ввинтился в мозг — тонкий, сверлящий. Боль ослепляющая, белая, настолько сильная, что мир схлопнулся в точку.

Он потерял сознание. Следующие дни потекли как вода. Лечебница. Опыты. Опросы. Клетка. Ведьмак резал, щупал, капал реактивы. Алан терпел.

Единственное, что он скрыл от Господина — это силу, которую давала Тварь. Остроту зрения. Чутье. Нюх. Благо, Тварь не могла говорить. Она была слепой волей, не собеседником. Поэтому с Господином Алан говорил спокойно, коротко, отвечая только на вопросы. Не больше. Чтобы не видели лишнего.

Но в клетке он пытался найти подход к тому, что жило внутри.

Когда голод становился невыносимым, а миска стояла перед ним, Алан закрывал глаза. Внутренним взором искал Тьму.

— Если ты будешь жрать все подряд... — шептал он в пустоту сознания. — Меня вырвет. Я ослабну. Ты тоже останешься без сил.

Тварь злилась. Наказывала болью — простреливала мышцы, сжимала сердце.

Но когда Алан терял сознание и лежал на земле холодным грузом, она сама не могла жрать. Мертвое тело не держит ложку.

Она поняла. Чтобы выжить, ей нужно его живое, рабочее тело.

Так родилась сделка. Без слов. На уровне боли и голода.

В очередной раз его привели к Ведьмаку.

Алан стоял прямо. Смотрел в холодные глаза Господина.

— Господин, — сказал он тихо. — Я не могу больше есть падаль.

Ведьмак не моргнул. Просто цепко посмотрел на Алана. Взглядом хирурга, который видит, как приживается трансплантат.

Кивнул.

— Зван. Рацион изменить. Свежее.

Дверь закрылась. Алан выдохнул. Внутри, в глубине грудной клетки, второе сердце сделало довольный, тяжелый удар. Они выжили. Вместе.

५

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.